

О. И. ХОРУЖЕНКО

ПЛИТА СХОРОСМИРА: ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ РОДОВОЙ ПАМЯТИ

В контексте иных родословных подделок XVII в. исследуется плита Схоросмира, изготовленная предположительно представителями рода Вердеревских, его мнимыми потомками. Как и в иных случаях фальсификации родовых некрополей, памятник выступает местом памяти, средоточием построения сословной и родовой идентичности и средством ее презентации в социуме.

Ключевые слова: фальсификация источников, некрополь, генеалогия, палеография, родовая память, поминальный обычай.

Современная проблематика исторической науки, ориентированная на исследование практик коммеморации, предполагает вовлечение исторических источников самого широкого типологического ряда и изучение их с применением методов вспомогательных исторических дисциплин (палеографии, хронологии, топонимики и т.д.). Эти источники, связанные, в первую очередь, с практикой поминания (мемориальные памятники, синодики), и ранее не были обойдены вниманием историков, но изучались в контексте социально-политических, генеалогических и иных вполне традиционных в отечественной историографии проблем.

Рассуждая о достоверности источников, связанных с православным поминанием, С.Б. Веселовский писал: «Нет никаких оснований не доверять этим покровам и записям; с такими вещами, как запись в синодики на вечное поминание, не шутили, и никому не пришло бы в голову записывать в поминание вымышленные имена и класть покровы на гробы несуществовавших предков»¹. Исследователь неоднократно подчеркивал эту мысль: «никому не было смысла фальсифицировать его [синодик], например записывать в поминание не существовавших лиц»²; «записи в синодиках заслуживают полного доверия, т.к. к этому относились с верой и никому не могла прийти в голову мысль поминать в своих молитвах вымышленных предков»³.

¹ Веселовский. 1969. С. 165.

² Там же. С. 26–27.

³ Там же. С. 45. Исследователь неоднократно подчеркивал особенную достоверность синодиков и считал, что они выступали источником для родословных росписей, а не наоборот (Там же. С. 18, 45, 331). Принять это утверждение сложно – в

В 1595 г. Дмитрий Иванович Годунов, обустроивая родовой некрополь в Костромском Ипатьевском монастыре, положил богато украшенный покров, в частности, на гроб своего предка князя Чета: «бархат, шолк червчат по белой земле с розными шолки, а на них кресты, а в крестах по 14 дробниц серебряных круглых, золочены, а на них выбиваны святые, около дробниц веревочки золотные и серебряные, подписи шиты золотом да серебром, подложены крашениною зеленою»⁴. В монастырский синодик также был вписан «князь Чет, во святом крещении Захарий, и дети его»⁵. Но, как убедительно доказал сам С.Б. Веселовский, князь Чет, легендарный предок Сабуровых и Годуновых, – фигура вымышленная. Легенда о его выезде и крещении, об основании им Ипатьевского монастыря в том месте, где ему явились в видении святые Ипатий и Филипп, возникла в конце XVI в. В ее распространении были заинтересованы как Годуновы, так и их вотчинный монастырь. Легенда должна была оправдать, с одной стороны, возвышение Ипатьевского монастыря, разбогатевшего от вкладов Годуновых, с другой – новый высокий статус самих ктиторов, в прошлом скромного по карьерным успехам рода. Легенда, в частности, «объясняла всем, кто удовлетворяется подобными баснями, причины почитания таких мало популярных святых, как Ипатий Гангрский и апостол Филипп»⁶. Получается, что С.Б. Веселовский переоценил благочестие людей прошлого – Д.И. Годунову, вопреки утверждению исследователя и при как минимум непротивлении монастырских властей, все-таки «пришло в голову пошутить». Но был ли Д.И. Годунов в этом смысле уникален?

В середине XVII в. Алексей Иванович Полев, неудовлетворенный происхождением от нетитулованного и малоизвестного Александра Борисовича Поля (уп. 1390), дополнил родословную легенду фантастическими подробностями. Александр Поле стал внуком вымышленного князя Федора Юрьевича Фоминского и сыном князя Бориса Федоровича Хлепенского (уп. без княжеского титула в 1449 г., возможно, ретроспективно). В соответствии с этой идеей А.И. Полев поновил фамильный некрополь в родовом богомолье – Иосифо-Волоколамском монастыре, а в своей ярославской вотчине (полученной из поместий) с. Новом Полеве установил памятную доску в честь «удельного князя Федора Юрьевича

таким случае остается непонятным, отчего имена членов рода вносились в синодик строго в том порядке, в котором они перечислялись в родословных росписях (*Хоруженко*. 2008. С. 222–228), и игнорирование такими записями женских имен.

⁴ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. С. 44.

⁵ *Днев.* 1858. С. 75.

⁶ *Веселовский*. 1969. С. 188.

Фоминского», умершего якобы в Новгороде в 1347 г. Родопомынные записи Полевых в синодиках Иосифо-Волоколамского монастыря были дополнены новым рядом мнимых предков, которым А.И. Полев щедро «пожаловал» княжеский титул: «князя Феодора, князя Бориса, князя Константина, князя Остафея, князя Юрия, князя Михаила»⁷. Естественно, внесение новых записей в синодики не предполагало какой-либо проверки их достоверности со стороны монастырских властей. В Иосифо-Волоколамском монастыре действовал своеобразный тариф за внесение в синодик, установленный еще Иосифом Волоцким⁸. Никаких иных условий для внесения в синодик, кроме денежного или земельного вклада, монастырские власти не выдвигали.

В некрополе Донского монастыря находится пышный саркофаг «болярина Феодора Михайловича, отца св. Алексея, митрополита всея России, из фамилии Плещеевых». Он был перенесен сюда из московского Богоявленского монастыря⁹. Речь в эпитафии идет о Федоре Бяконте, «выехавшем из Чернигова около 1335-го года, во время владения великого князя Иоанна Даниловича»¹⁰. Был ли Бяконт черниговцем, или нет¹¹, существование такого лица несомненно¹². Маловероятно иное – обретение и уверенная идентификация его останков спустя без малого пятисот лет после его кончины¹³. Родовой некрополь Плещеевых складывался в

⁷ *Кавельмахер*. 1989. С. 480–484. В этом списке узнаются Федор Юрьевич Фоминский, Борис Федорович Хлепенский, Константин Юрьевич Березуйский (предок Ржевских, Травинных и Козловских), Остафий Федорович (предок Еропкиных). До разоблачения этой памятной плиты В.В. Кавельмахером как подделки XVII в. она, с легкой руки ее первооткрывателя Н.А. Астрова, воспринималась в качестве подлинной: *Астров*. 1872. С. 61–75; *Квашнин-Самарин*. 1887. С. 24–25.

⁸ Княгиня Мария Голенина, упрекнувшая игумена в том, что «дати 20 рублей на семь лет, ино то грабежь, а не милостьяня», получила ответное послание Иосифа, в котором содержались как практические, так и религиозные основания этой практики (Послания Иосифа Волоцкого. С. 181).

⁹ *Саитов*. 1908. Т. 2. С. 427.

¹⁰ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. № 44.

¹¹ *Горский*. 2000. С. 31.

¹² Фамилия «Бяконтовы» в этом роду, по-видимому, не закрепилась, впрочем, к нему мог принадлежать Внук Бяконтов, дьяк новгородского архиепископа Феодосия, упомянутый в 1543 г. (Древняя Российская вивлиофика. Ч. 14. С. 159). С.Б. Веселовский отмечал топонимы, явно связанные с землевладением Бяконта и его потомков: селения Бяконтово близ Подольска, Бяконтово-Плещеево близ Дмитрова, (*Веселовский*. 1974. С. 60) и Бяконтово-Кизилково в Нерехте, принадлежавшее некоторое время С.Г. Плещееву (*Веселовский*. 1969. С. 185).

¹³ Отсутствие практики письменной фиксации захоронений в Средневековье отмечает С. Франклин (*Франклин*. 2006. С. 268). Традиция подписанного надгробия начала распространяться только в конце XV в.

Богоявленском монастыре на протяжении XVIII в.¹⁴, а «надгробие» Федора Михайловича Бяконта было изготовлено Плещеевыми в 1820-х годах¹⁵. Присвоенное родоначальнику отчество было новацией по отношению к существовавшим на то время родословным росписям.

Таким образом, практика «записывать в помяние вымышленные имена и класть покровы на гробы несуществовавших предков», вопреки ее отрицанию С.Б. Веселовским, все-таки существовала. Понятно, что представителями служилых родов в данном случае двигала не забота об «устройении души» никогда не существовавших родоначальников. Связанные с этим значительные расходы, возможный риск разоблачения не отменяли явной потребности в создании подобных кенотафов. Эти мнимые захоронения становились, вероятно, «местом памяти», средоточием выстраивания сословной и родовой идентичности и средством ее презентации. Мнимые захоронения легендарных предков отмечаются как в центре, так и на периферии, с XVI по XIX в. Вероятно, выявленные на сегодня памятники не позволяют судить о масштабности этого явления; новые открытия позволят дополнить общую картину.

При строительных работах на территории Солотчинского монастыря близ Рязани, проводившихся в 2003–2004 гг., была обнаружена белокаменная плита¹⁶, содержащая следующую надпись:

«Лѣта 7051-го году апрѣля въ 23 д(е)н(ь)¹, как по̄чета строит(и) каменная ц(е)рков(ь) во имя Покрова | пр(е)св(е)тыя Б(огоро)д(и)цы, ꙗ с того мѣста перенесено тѣло зятя великого кн(а)зя Ол(е)га Ивановича Ивана Смірославовича | Схоросмира, во иноцех скимника Іосифа, по упрошенію родственни|ков ево, дла того, что прилучилос(ь) быт(и) | под олтарною стеною. А переносил епис|коп Феодосіи коломенскіи со архиман|дритомъ Хрисанѡомъ ||».

Примечание. ¹Слово вписано над строкой

¹⁴ На 1791 г. самое старое надгробие Плещеевых в Богоявленском монастыре относилось к 1737 г. (подпоручика Романа Ивановича Плещеева. См.: Древняя Российская вивлиофика. Ч. 19. С. 342, № 116), новейшее – к 1757 г. (боярыня Дарья Николаевна Плещеева. См.: Там же. С. 343, № 120). Некрополь Плещеевых XVII в. располагался в церкви Николая Чудотворца в Гнездняках (захоронения 1630–1702 гг., *Саитов*. 1908. Т. 2. С. 426–427). Изначально Плещеевы, вероятно, формировали родовой некрополь близ могилы митрополита Алексея в храме Чуда архистратига Михаила в Чудовом монастыре. Во всяком случае, племянник митрополита Алексея боярин Данила Феофанович был погребен тут в 1392 г. (*Панова*. 2002. С. 21).

¹⁵ *Беляев*. 1996. С. 33.

¹⁶ *Нагорнов, Гераськин*. 2007. С. 55; *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84–89; *Гераськин*. 2009.

В тексте речь идет о легендарном предке Вердеревских, Апраксиных, Крюковых и иных рязанских дворянских родов, «выехавшем к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому из Большие Орды муже честном именем Солохмир Мирославич, который по крещении назван Иоанном. Великий князь отдал за него в супружество сестру свою родную великую княжну Настасью Ивановну и пожаловал ему разные вотчины»¹⁷. Легенда о Солохмире была некритически усвоена Д.И. Иловайским. Его не смутило то, что во время княжения Олега Ивановича Большой Орды еще не существовало; он даровал Солохмиру титул мурзы, дополнил легенду точной датой выезда (1371) и рядом подробностей: о дружине Солохмира¹⁸, предпочтении, которое ему оказывал великий князь Олег Иванович перед иными своими боярами, о решающей его роли в рязанско-московских и рязанско-пронских усобицах¹⁹.

Плита имеет форму трапеции с верхней гранью 53,5 см, нижней 43 см, левой 82,5 см, правой – 82 см. Максимальная толщина плиты 9,5 см. Ее залегание, судя по глубине, на которой она была найдена (2 м), вероятно, вторично. Сведений о захоронении под плитой, расположенной при обнаружении горизонтально с отклонением от оси восток–запад в 45°, не приводится²⁰. Впрочем, ни содержание надписи, ни ее формуляр не позволяют охарактеризовать плиту как надгробную, вероятно, будет правильнее именовать ее памятной. По содержанию надписи на каменных плитах разделяются на строительные и надгробные²¹. Смешанный тип строительно-надгробных плит предполагает указание на положение тела под плитой²², каковое в рассматриваемой надписи отсутствует. Ближайший аналог для надписи о перенесении тела Схоросмира – плита из с. Новое Полево о кончине князя Федора Юрьевича Фоминского²³.

¹⁷ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 2. № 45.

¹⁸ Ю.В. Гераськин уточнил, что дружина Салахмира была конной и участвовала в 1371 г. в штурме Переяславля-Залесского (*Гераськин*. 2009).

¹⁹ *Иловайский*. 1858. С. 164, 197.

²⁰ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84.

²¹ *Гириберг*. 1960. С. 3–4.

²² Пример подобной плиты приводит В.Б. Гириберг. Могильную плиту царевны Анны Иоанновны 1550 г. в Смоленском соборе московского Новодевичья монастыря сопровождает строительно-надгробная надпись 1685 г., сообщающая, что тело царевны «перенесено и поставлено на сем месте» (*Гириберг*. 1960. С. 7). В работе 2007 г. В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин оперируют термином «надгробная плита» (*Нагорнов, Гераськин*. 2007. С. 57), 2008 г. – «памятная плита» и «памятная надгробная плита» (*Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84), в 2009 г. Ю.В. Гераськин вернулся к термину «надгробная плита» (*Гераськин*. 2009).

²³ *Кавельмахер*. 1989. С. 480–484.

Источник был введен в оборот В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным в 2007 г. Авторы предложили свой вариант прочтения и интерпретации надписи, рассмотрев содержащиеся в ней данные в свете историко-политических, историко-географических и генеалогических проблем. Между тем изучение внешних, формальных особенностей источника в работе 2007 г. авторами предпринято не было, они лишь констатировали, что «надпись выполнена вязью XVI века, что прекрасно согласуется с датой, приводимой в тексте плиты»²⁴. Авторы не обосновали свою датировку вязи, а лишь сослались на палеографические таблицы, приложенные к учебному пособию по литературе для учащихся старших классов²⁵. Сопоставление памятника эпиграфики со случайным образчиком книжной вязи XVI в., послужившим иллюстрацией к учебному пособию, не представляется корректным, а сходство с ним – убедительным. Безусловно, графика этой надписи, важность которой показана В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным, заслуживает специального исследования, что и было предпринято в работе 2008 г.

Палеография вязи в целом изучена недостаточно. Существующие представления о ее развитии базируются на ценной работе В.Н. Щепкина²⁶, однако исследователь оперировал ограниченным кругом источников, введенных на ту пору в научный оборот. Значительно расширили возможности для изучения вязи (в первую очередь на памятниках эпиграфики) публикации В.Б. Гиришберга, Т.В. Николаевой, И.И. Плешановой, Л.А. Беляева, Т.Д. Пановой²⁷. Этими авторами были рассмотрены отдельные палеографические сюжеты, связанные с развитием вязи в XVI–XVIII вв., но обобщающих наблюдений на основе этого очень ценного и уже достаточно репрезентативного материала сделано не было.

С работы В.Н. Щепкина утвердилось представление о возрастании со временем пропорций букв вязи, постепенном увеличении их высоты по отношению к ширине (в терминологии автора – «показателя вязи»), устанавливаемых для двухмачтовых букв. Для первой половины XVI в. исследователь отмечал показатель вязи 5, к середине XVI в. он увеличился до 7, к середине XVII в. – до 10, а к его концу – до 11½²⁸. В качестве датирующего признака показатель вязи признан и в учебных

²⁴ Нагорнов, Гераськин. 2007. С. 58.

²⁵ Ольшевская, Травников. 1996. С. 311.

²⁶ Щепкин. 1904. С. 57–80.

²⁷ Гиришберг. 1960; Гиришберг. 1962; Николаева. 1966; Николаева. 1958; Николаева. 1960; Плешанова. 1966; Беляев. 1996; Хворостова, Беляев. 2006; Кренке, Беляев. 2006; Панова. 2002.

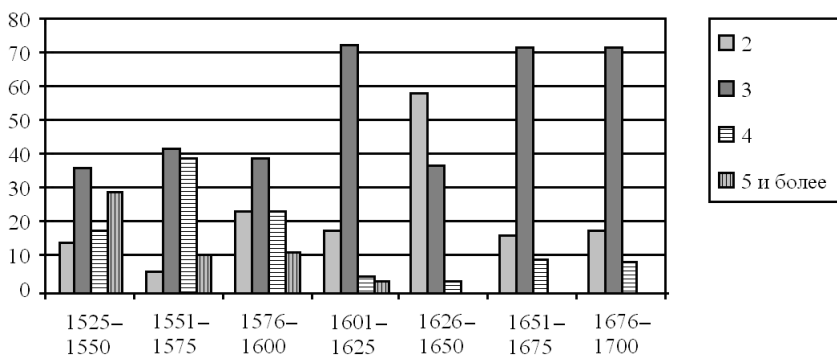
²⁸ Щепкин. 1904. С. 71, 72, 74.

пособиях²⁹. Между тем, наблюдения Щепкина в этом вопросе относились, вероятно, к отдельным рукописям и предметам декоративно-прикладного искусства, они явно недостаточны для широких обобщений и неприменимы к эпиграфическим памятникам. Относительно высокие показатели вязи (5 и более) оказались здесь непродуктивны. Исходя из точно датированных материалов³⁰, можно говорить о том, что высокие показатели достаточно весомо были представлены лишь во второй четверти XVI в., значительно потеряли свои позиции во второй и третьей четвертях, а со второй четверти XVII в. исчезли совсем. Показатель 4 показывает максимум в третьей четверти XVI в., затем заметно падает. Напротив, низкие показатели вязи (2–3) суммарно преобладают на протяжении XVI–XVII в. и к концу периода достигают 91 %.

Таблица 1. Показатели вязи XVI–XVII вв. на памятниках эпиграфики

показатель вязи/период (кол-во ед.)	1525- 1550 (27)	1551- 1575 (47)	1576- 1600 (34)	1601- 1625 (38)	1626- 1650 (63)	1651- 1675 (30)	1676- 1700 (33)
2	15%	6%	24%	18%	59%	17%	18%
3	37%	43%	40%	74%	38%	73%	73%
4	18%	40%	24%	5%	3%	10%	9%
5 и более	30%	11%	12%	3%	0%	0%	0%

Эти данные можно представить в виде диаграммы:

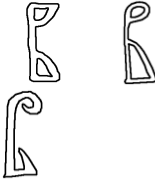

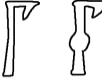

²⁹ Черепнин. 1956. С. 388; Щепкин. 1967. С. 49; Тихомиров, Муравьев. 1982. С. 51.

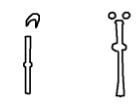
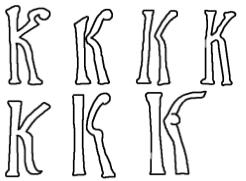
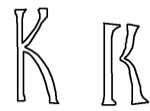
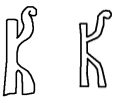

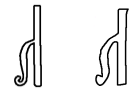
³⁰ В статистику включены источники, опубликованные в указанных выше работах В.Б. Гиршберга, Т.В. Николаевой, Л.А. Беляева, Т.Д. Пановой и др., а также представленные в Интернет-публикациях. Показатели вязи округлены до целых значений.

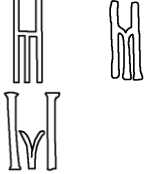

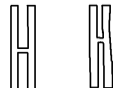
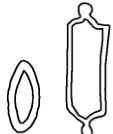

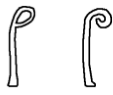
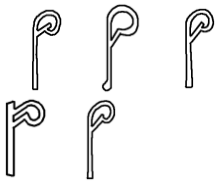
Таким образом, памятники эпиграфики показывают обратную закономерность изменения показателя вязи, чем та, что была отмечена В.Н. Щепкиным: он не возрастает со временем, а наоборот – убывает.

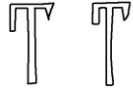

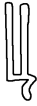

В рассматриваемой надписи показатель вязи – 3, к концу строки резчик увеличивал как ширину линий, так и ширину букв, отчего буквы, расположенные близ правого поля, имеют показатель 2. Понятно, что сам по себе показатель вязи и в данном случае не может выступать в качестве надежного датирующего признака.

Таблица 2. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАДПИСИ
НА ПЛИТЕ СХОРОСМИРА

	Надпись на плите Схоросмира	середина XVI в.	конец XVII в.
А	 1 2 3	 1540 1543 1568	 1676 1693 1699
Б	 1 2	 1568	 1699
В	 1 2 3 4 5 6 7 8 9	 1560/61 1564 1568	 1677 1692
Г	 1 2	 1564	 1699

Д	 <p>1 2</p>	 <p>1568</p>	 <p>1679</p>
Є	 <p>1</p>	 <p>1564 1560/61</p>	 <p>1699</p>
З	 <p>1 2</p>	 <p>1568</p>	 <p>1677 1689 1695</p>
И	 <p>1</p>	 <p>1568</p>	 <p>1699</p>
I	 <p>1</p>	 <p>1551</p>	 <p>1690 1693</p>
К	 <p>1 2 3 4 5 6 7</p>	 <p>1564 1568</p>	 <p>1661 1699</p>
Л	 <p>1 2 3</p>	 <p>1568</p>	 <p>1688 1699</p>

М	 <p>1 2 3</p>	 <p>1540 1560/61 1568</p>	 <p>1693</p>
Н	 <p>1 2</p>	 <p>1532 1564 1568</p>	 <p>1680 1688</p>
О	 <p>1 2</p>	 <p>1568</p>	 <p>1699</p>
П	 <p>1 2</p>	 <p>1560/61</p>	 <p>1699</p>
Р	 <p>1 2 3</p>	 <p>1564 1568</p>	 <p>1670 1677 1679 1689 1689</p>

С	 1	 1560/61	 1699
Т	 1 2 3 4	 1560/61	 1679 1692
Х	 1 2	 1540	 1698
Ц	 1	 1560/61	 1699
Ч	 1 2	 1560/61	 1693
Ш	 1	 1560/61	 1692
Ъ	 1 2	 1561	 1699
Ѣ	 1 2	 1551	 1670

Ю	 1	 1568	 1689 1690
Ѧ	 1 2 3	 1561	 1692
Ѧ	 1 2	 1560/61	 1701

Текст помещается на лицевой стороне плиты, врезан вглубь трехгранновьемчатой техникой. Глубина и ширина врезов различаются в отдельных буквах. Наиболее широкие врезы наблюдаются ближе к правому полю. Следов разметки строк не видно, ряд букв выходит за строку. Поля также не были прочерчены, в результате текст выровнен плохо, особенно по правому краю. Надпись расположена в 11 строк, причем резчик, не рассчитав поверхность плиты, был вынужден примерно в 4 раза, уменьшить буквы последней строки. В результате строка заняла лишь половину отведенной под нее ширины, оставшееся место занял единственный декоративный элемент – четырехлепестковая цветочная розетка. Тем самым резчик не вполне использовал возможность вязи «расширяться и сжиматься с одинаковой легкостью»³¹. Текст написан слитно, в первых двух строках словоразделение в ряде случаев обозначено точками.

Сокращения частей букв в том виде, о котором говорил В.Н. Щепкин, единичны (*ИЛ* в восьмой строке, *ХИ* в десятой), как и случаи классического подчинения одной буквы другой. Чаще сокращается мачта подчиняющей (*ПО* в первой и второй строках, *ПЕ* в третьей и т.д.) или подчиненной буквы (*ВИ* в пятой строке). В большинстве случаев подчиненными и уменьшенными в размерах оказываются *О* и *Е*. Из других способов сокращения резчик применял соподчинение (*ГО*, *ЮРО*, *ТО*), лигатуру мачта+мачта (*ЛЪТ*, *АП* и т.д.) и лигатуру полумачта+полумачта (*НИ* – трижды, *ПИ*). Лигатура полумачта+полумачта или дробленая мач-

³¹ Щепкин. 1904. С. 57.

товая лигатура – явление довольно позднее, введенное так называемой «школой Ивана Грозного» и распространившееся в XVII в. (первые примеры дробления лигатур в старопечатных книгах относятся к 1600–1607 гг.)³². Это – один из признаков достаточно позднего появления надписи. Ложная лигатура как таковая резчиком не применялась (единственный случай – *AI* в шестой строке). В сочетании *ОЮ* (девятая строка), вероятно по ошибке, перекадина в букве *Ю* была направлена влево, отчего у него получилось сочетание из зеркально обращенной *Ю* и *О*.

Из украшений резчик применил петлевидный завиток в начальной лигатуре *ЛБ*, завиток и декоративную деталь в виде лепестка в букве *Ы* (восьмая строка), и небольшую S-образную виньетку в пятой строке, заполняющую свободное пространство под подчиненной буквой *А* в слове *Ивана*. Такую же виньетку можно видеть в заголовке «Книги Большому чертежу» – она заполняет пространство под буквой *Б* в слове *здьлань*³³. В целом резчик был не склонен к дополнительному декорированию.

Написание ряда букв специфично, что позволяет предложить аналогии в точно датированных памятниках. Буква *А* напоминает современную *Я*; она состоит из вертикальной мачты, в ряде случаев с навесом, петли и косой черты, как правило, переходящей в завиток. Буква образует лигатуры *АП*, *АН*, *АВ*, ложную лигатуру *AI*. Йотированная *А* навеса не имеет; перекадина украшена узелком. В лигатурах в качестве первой мачты йотированной *А* используется мачта предстоящей буквы³⁴. Такое построение буквы на памятниках эпиграфики встречается в середине XVI в. (Табл. 2. А-1568), но не является преобладающим. Надписи конца 1530-х и 1540-х гг. содержат иную *А* – она, в подражание уставу, образована петлей и косой чертой, либо мачтой, косой чертой и перекадиной (Табл. 2. А-1543)³⁵. Развитие *Я*-образной буквы *А* приходится на вторую треть – конец XVII в.³⁶ Наиболее близкая к рассматриваемой надписи буква *А*, в которой косая черта переходит в завиток, содержится в образце 1653 г.³⁷ Такое же декорирование косой черты наблюдается в буквах *Л*, *И*.

³² Там же. С. 79.

³³ Книга Большому чертежу. С. 51.

³⁴ Здесь и далее используется терминология, предложенная В.Н. Щепкиным (Щепкин. 1904. С. 59–61).

³⁵ Шокарев. 2006. С. 126. Ил. 3 (1540); Вишневецкий. 2006. С. 137. Ил. 19 (1543).

³⁶ Хворостова, Беляев. 2006. С. 40. Ил. 9 (1658); С. 42. Ил. 12 (1688); Векслер, Беркович. 2006. С. 56. Ил. 10 (1675); Левина. 2006. С. 100. Ил. 17 (1634); С. 103. Ил. 21 (1639), Ил 23 (1646).

³⁷ Левина. 2006. С. 105. Ил. 25. В.Н. Щепкин опубликовал образец рукописной вязи 1523 г. с такой же буквой (Щепкин. 1904. Табл. LIII. № 35), но в рукописной традиции она, кажется, развития не получила.

Буква *B* в надписи представлена несколькими вариантами. Ряд из них использует штабмовку верхней (Табл. 2. В-4) или нижней (В-1, В-3) петли. Наиболее характерная для надписи буква – с верхней округлой петлей, образующей завиток и соединенной с мачтой диагональной перекладиной (В 6-9). Такой же способ написания петли используется в букве *P*. Ближайшие аналоги графики датированы 1670–1690 гг.³⁸

Датирующее значение имеет графика буквы *З* (Табл. 2. З-1), в которой переход от верхней к нижней части произведен через петлю. Такая форма могла образоваться только на основе развитой скорописи XVII в. В предшествующее столетие она не встречается, однако в последней четверти XVII в. достаточно распространена³⁹.

Из трех вариантов буквы *M* обращает на себя внимание М-1. Для вязи, представленной как в книжной (рукописной и печатной), так и в эпиграфической традициях, характерны варианты М-2 и М-3. Имея в основе две мачты с полумачтой в центре, они показали свою плодотворность для образования мачтовых лигатур и конструкций подчинения. Напротив, вариант М-1 (из двух мачт и двух диагоналей), зрительно неотличимый от лигатуры *ЛЛ*, чрезвычайно редок. Он явно зависим от скорописной графики; использование такого варианта можем отметить лишь в конце XVII в. Довольно поздний вариант написания демонстрирует буква *H*. Более старый вариант, напоминающий латинскую *N*, в рукописях уже с XIII в. сопровождался вариантом с горизонтальной перекладиной⁴⁰, но в вязи *H* с горизонтальной перекладиной не встречается до конца XVII в. *P* представлена в надписи однородно, она в большинстве случаев выступает над строкой, за редкими исключениями – с узелком в центре мачты или несколько выше ее центра. Как и в букве *B*, петля округлая, образует завиток, завершающийся окружностью; петля соединена с мачтой диагональной перекладиной. Эти особенности буква сохраняет и в лигатурном написании (лигатуры *МИР*, *РИ*, *РН*). Близкие к представленной в надписи буквы встречаются только с последней трети XVII в.⁴¹ В образцах, относящихся к 1530-1540 гг., петля буквы *P* ломаная либо округлая, но не имеет декоративных элементов, присущих рассматриваемой надписи⁴².

³⁸ Папин. 2006. С. 230. Ил. 45 (1677); С. 231. Ил. 46 (1679).

³⁹ Там же. С. 230. Ил. 45 (1677); С. 231, Ил. 46 (1679); С. 233. Ил. 49 (1689); С. 239. Ил. 57 (1695).

⁴⁰ Пронштейн, Овчинникова. 1987. С. 15.

⁴¹ Папин. 2006. С. 228. Ил. 41 (1670); С. 230. Ил. 45 (1677); С. 231. Ил. 46 (1679); С. 232. Ил. 48 (1689); С. 233. Ил. 49 (1689).

⁴² Кренке, Беляев. 2006. С. 45. Ил. 1 (1537/38); Левина. 2006. С. 94. Ил. 8 (1535); Шокарев. 2006. С. 126. Ил. 3 (1540); С. 127. Ил. 4 (1543); Вишневский. 2006. С. 137. Ил. 19 (1543); С. 140. Ил. 29 (1541/42); С. 141. Ил. 31 (1543); С. 146. Ил. 46

В строках 9 и 10 примечательны полные штамбы букв *О* (дважды) и *Ө* – резчик впервые проявил склонность к штамбовке, игнорировав до этого возможность спрямить округлые детали букв *Є*, *О*, *С*. Штамбовка позволяет создать мачтовые лигатуры, но этот способ резчик не использовал. В рукописных памятниках такие штамбы, по наблюдениям В.Н. Щепкина, встречаются со второй половины XVII в., а несколько ранее, в 1620–1630 гг., они отмечены на предметах декоративно-прикладного искусства⁴³. Опубликованные после исследования Щепкина памятники подтверждают его вывод. Полные штамбы буквы *Ө* представлены в эпиграфике начала XVIII в.⁴⁴

В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин, отметив в работе 2008 г. такие поздние палеографические особенности надписи, как «бусины» на мачтах, дробление лигатур, построение петель у букв *В* и *Р*, полные штамбы, что явно датирует надпись концом XVII в., пришли к алогичным по отношению к этим наблюдениям выводам: «хотя полностью исключить принадлежность плиты XVI веку нельзя, эти точные аналоги в надписях второй половины XVII и архаизирующих написаниях начала XVIII в. говорят о ее позднем, по отношению к событию, происхождении»⁴⁵.

Общий вывод, проистекающий из палеографических особенностей надписи, состоит в том, что перед нами – развитая вязь, характерная для более позднего времени, чем дата, приведенная на памятнике⁴⁶. Она как раз требует «полностью исключить» XVI в. как дату ее изготовления. Датировать ее этим временем не «трудно»⁴⁷, а решительно невозможно. На конец XVII в., а не «вторую половину XVI–XVII в.» очевидно указывают знакомство изготовителя с образчиками графики поздней вязи, построение ряда букв на основе графики развитой скорописи. Вязь, которой выполнена надпись, следует отнести к самому концу XVII в., а значит, она совершенно не соотносится с датой, которая содержится в самом тексте.

(1546); С. 149. Ил. 51 (1539); С. 150. Ил. 53 (1530/31); С. 166. Ил. 89 (1547); С. 171. Ил. 102 (1547); *Гириберг*. 1960. Табл. II. Рис. 2 (1531); Рис. 3 (1537); Табл. III. Рис. 1 (1538), Рис. 2 (1541); Табл. VII. Рис. 2 (1538).

⁴³ *Щепкин*. 1904. С. 74.

⁴⁴ *Папин*. 2006. С. 242. Ил. 61 (1701).

⁴⁵ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 88.

⁴⁶ *Гириберг*. 1960. С. 13.

⁴⁷ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 87. Следует отметить, что авторы, по всей видимости, неохотно приняли новую дату плиты. Сохранить возможность датировки XVI в. было призвано, вероятно, упоминание о проведенном ими некоем текстологическом анализе, который показал им, что «составители надписи... копировали надпись с более ранней доски». В работе Ю.В. Гераськина 2009 г. вопрос о датировке плиты не поднимается.

Изготовление плиты можно связать с деятельностью Ивана Вердеревского. В 1686 г. он подал в разряд вместе с родословной росписью, содержащей легенду о своем происхождении от Солохмира Мирославича⁴⁸, две грамоты из архива Солотчинского монастыря. Первая – ок. 1390–1401 гг. рязанского великого князя Олега Ивановича солотчинскому игумену Федору на селище Федорково⁴⁹. Вторая – 1427–1456 гг. рязанского великого князя Ивана Федоровича игумену Лариону на с. Филипповичи⁵⁰. Обе грамоты, представленные в копиях, содержат важные для родословия Вердеревских интерполяции. В первой великий князь Олег действует, «поговоря с зятем своим с Иваном с Мирославичем», во второй – уже великий князь Иван, «поговоря с дядею своим с Григорьем с Ивановичем». Эта формула не встречается в других рязанских и современных им актах. Схожее выражение присутствует лишь в грамоте киевской княгини Анастасии Васильевны 1458/59 г. («подумавши есмо с нашими детьми... и с нашим отцом архимандритом печерским... и с нашею верною радою, со князми и с паны»⁵¹), но вдова князя Олелько Владимировича была чужестранкой, распорядившейся в этом акте приданной вотчиной, на что, очевидно, требовалось одобрение семьи и правящей верхушки Киевского княжества. Очевидно, ни Олег Иванович, ни Иван Федорович не находились в том же положении. И если довериться представленным И. Вердеревским спискам и принять, что Олег Иванович мог выбрать в свои ближайшие советники зятя, то Ивану Федоровичу Григорий Иванович приходился только двоюродным дядей, каковая степень родства сама по себе не предполагает особой доверительности.

Обе грамоты Солотчинского монастыря были заверены властями: «К подлинному списку архимандрит Павел руку приложил. А подлинная грамота в Солотчинском монастыре в казне. Келарь Пахомей руку приложил». Однако в монастырской казне подлинных грамот не было, здесь хранились только списки⁵². Вероятно, Солотчинский монастырь выступал по отношению к Вердеревским в той же роли, в какой Кашинский Клобуков к Бедовым и Головкиным, а Калязин Макарьев – к Кожиным⁵³.

Ю.В. Гераськин предложил интересную версию о заимствовании формы «Смирославович» из грамоты великого князя Олега Ивановича ок. 1390–1401 гг., о которой автор, правда, говорит почему-то во мно-

⁴⁸ Антонов. 1996. С. 106.

⁴⁹ Акты социально-экономической истории. Т. 3. № 324. С. 353–354.

⁵⁰ Там же. № 328. С. 355–356.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 200. № 279.

⁵² Там же. Т. 3. С. 354, 356.

⁵³ Введенский. 1933. С. 98; Зимин. 1963. С. 405–407, 410, 412.

жественном числе⁵⁴. По его не лишённому основания мнению, содержащаяся в ней фраза «с Иваном с Мирославичем», могла трансформироваться в читаемое на плите имя «Ивана Смирославовича»⁵⁵.

Поскольку плита была изготовлена примерно через полтора века после отмеченной в тексте даты, нужно внимательнее изучить хронологические указания нанесенной на нее надписи. Текст относит перестройку в камне церкви Покрова Богородицы в Солотчинском монастыре к 1543 г. Точная дата постройки храма неизвестна. Предание называет Покровскую церковь местом захоронения великого князя Олега Ивановича (в летописи говорится лишь о его захоронении в Солотчинском монастыре⁵⁶). Возможно, в 1402 г. церковь была еще деревянной. При описании 1628–29 гг. в монастыре упоминалась «церковь каменная Покров св. Богородицы вверх шатром, а вверх той церкви колоколница», причем «церкви и все церковное – строенье великих князей резанских»⁵⁷. Итак, если довериться данным писцов, каменная Покровская церковь была построена до 1521 г., когда последний рязанский великий князь Иван Иванович бежал в Литву. Архитектурные особенности, упомянутые в описании 1628–29 гг., позволяют говорить о том, что церковь представляла собой храм «иже под колоколы» с шатровым верхом (первым шатровым храмом из сохранившихся до наших дней считается Троицкая в Александровской слободе 1510-х гг.)⁵⁸. Вероятным временем постройки в камне Покровской церкви следует считать первое двадцатилетие XVI в., а 1543 год, упомянутый в надписи, не может быть принят, если относить церковь к «строеньям великих князей резанских». В 1768 или в 1770 г. церковь обрушилась; останки великого князя Олега Ивановича и его жены Евпраксии были перенесены в соборный храм Рождества Богородицы⁵⁹.

⁵⁴ Гераськин. 2009. В работе 2008 г. авторы приводят цитату одной из грамот Олега Ивановича с формулой «поговоря с зятем своим с Иваном Мирославовичем» со ссылкой на публикацию А.Н. Пискарева (*Нагорнов, Гераськин. 2008. С. 86*). Но на указанной ими странице такой фразы нет, поскольку она содержит грамоту великого князя Ивана Федоровича Солотчинскому монастырю на село Филипповичи с интерполяцией «поговоря с дядею своим с Григорьем с Ивановичем» (*Древние грамоты и акты Рязанского края. С. 4. № 3*). В свою очередь, упоминание грамоты Ивана Федоровича сопровождается у авторов ссылкой на «Историю» Д.И. Иловайского. Публикацию этого акта и библиографию см.: *Акты социально-экономической истории. Т. 3. № 328. С. 355–356*.

⁵⁵ Гераськин. 2009.

⁵⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 188.

⁵⁷ Писцовые книги Рязанского края. С. 721, 722.

⁵⁸ Кавельмахер. 1995. С. 48–50.

⁵⁹ *Македоний, архим.* 1886. С. 5.

В 1543 г., если верить надписи, одновременно действовали коломенский епископ Феодосий и архимандрит Солотчинского монастыря Хрисанф. Из других источников следует, что в этом году монастырь возглавлял не Хрисанф, а архимандрит Арсений; он наследовал Феодосию (уп. до 1539) и, в свою очередь, был предшественником Тихона (поставлен в декабре 1552 г.)⁶⁰. Что касается архимандрита Хрисанфа, то он был поставлен между 1557 и 1560 гг., умер между 1564 и 1567 гг. Коломенский епископ Феодосий был хиротонисан 2 июля 1542 г., упоминается до 1555 г., был свержен (по словам Ивана Грозного – в ходе народного бунта, инспирированного протопопом Сильвестром, А.Ф. Адашевым и князем А.М. Курбским) и жил на покое в Солотчинском монастыре, где и умер в ноябре 1560 г.⁶¹ Таким образом, Феодосий и Хрисанф действительно могли выступать единовременно, но не в 1543 г., а в 1557–1560 гг. Иначе говоря, изготовитель надписи не был вполне знаком с реалиями, соотносящимися с той датой, на которую она претендовала. Памятная плита вовсе не «фиксирует факт переноса останков... военного и государственного деятеля Великого княжества Рязанского»⁶², а лишь конструирует его как часть истории рода Вердеревских и Апраксиных.

У В.П. Нагорнова и Ю.В. Гераськина в работе 2007 г. вызвало затруднение слово «прилучилось» в составе фразы «для того, что прилучилос(ь) быт(ь) под олтарною стеною», что потребовало обращения к Словарю современного русского литературного языка под редакцией А.П. Евгеньевой (1983). Исходя из приведенного здесь значения «случиться, произойти», авторы предложили такую интерпретацию фразы: «Для того, что(бы) (тело) было под алтарною стеною». Тем не менее, В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин, кажется, остались не вполне удовлетворены предлагаемым ими «современным смыслом» фразы и сделали следующий вывод: «о причине переноса можно только догадываться, на плите написано “по упрощению родственников”, что стало поводом для этого неясно»⁶³. Между тем, эта фраза совершенно ясна: останки Схоросмира были перенесены, потому что («для того, что»⁶⁴) мешали строи-

⁶⁰ Там же. С. 22–23.

⁶¹ Строев. 1877. Стб. 1031; Македоний, архим. 1886. С. 24–25. В справочной литературе присутствуют путаница в дате устранения Феодосия с кафедры (называется ок. 1560 и ок. 1563 гг.) и годом его смерти («неизвестен»).

⁶² Нагорнов, Гераськин. 2008. С. 83.

⁶³ Нагорнов, Гераськин. 2007. С. 58, 61.

⁶⁴ В древнерусском языке, в отличие от современного, предлог «для» употреблялся при обозначении причины, основания чего-либо; свойственное современному русскому обозначение при помощи этого предлога цели, из чего исходили авторы, было вторичным: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. С. 248–249.

тельству новой церкви: они оказались («прилучились»⁶⁵) на том месте, где планировалось строить алтарную стену. Именно так авторы и трактовали содержание надписи в работе 2008 г.⁶⁶

Несколько неожиданной оказалась интерпретация В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным имени легендарного основателя рода Вердеревских и Апраксиных: «исходя из текста плиты, приходится признать именем, данным ему при рождении, Хоросмир»⁶⁷. Этот вывод сказался в названиях их работ 2007 г. («Салахмир или Хоросмир?»), где он задал надуманную исследовательскую проблему, и 2008 г. («мурза Хоросмир»)⁶⁸. Между тем, форма «Хоросмир» стала следствием неверного словоразделения, предложенного авторами при публикации надписи – «Ивана с Мирославовича с Хоросмира» вместо очевидного «Ивана Смирославовича Схоросмира». Словоразделение, которого придерживаются В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин, решительно не может быть принято. Если авторы считают слова «Мирославович» и «Хоросмир» топонимами, что могло бы оправдать обособление ими «с» в обоих случаях в качестве предлога, то это исключает их одновременное понимание и как антропонимов. Форма «Схоросмир» в иных источниках для обозначения легендарного предка Вердеревских и Апраксиных не встречается, однако, написание его имени отличается известным разнообразием: наряду с Салахмир/Солохмир⁶⁹ встречаются варианты Салнохир⁷⁰, Салхомир⁷¹ и даже Лохмир⁷². Нельзя исключить и сознательного искажения имени родоначальника в попытке представить измененную форму как архаичную.

⁶⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. С. 209; *Срезневский*. 1902. Стб. 1426–1427; значение «оказаться» приведено и в Малом академическом словаре под ред. А.П. Евгеньевой, но В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным не отмечено.

⁶⁶ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84.

⁶⁷ *Нагорнов, Гераськин*. 2007. С. 61.

⁶⁸ В публикации текста надписи в 2008 г. дано предложенное научным сотрудником Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Е.В. Шапиловой верное чтение *Схоросмир*, тем не менее, авторы и здесь оперировали формой *Хоросмир* или компромиссной (*С*)*хоросмир* (*Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84).

⁶⁹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 313.

⁷⁰ Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича. С. 95. Вероятную связь с родословной легендой Вердеревских и Апраксиных в версии Патриаршей редакции демонстрирует имя предка рода Хитрово – Едуган Сильнохитр, который подавался как брат Салнохира/Салахмира (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. № 57).

⁷¹ *Долгоруков*. 1857. С. 326. Автор не указал на источник, из которого он заимствовал эту форму. Позднее вариантом *Салхомир* пользовался А.А. Зимин (*Зимин*. 1988. С. 267), которому В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин и приписали его обнаружение (*Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 87).

⁷² Родословная книга (по списку А). С. 190.

25 сентября 2010 г. плита была освящена наместником Свято-Троицкого монастыря г. Рязани архимандритом Андреем (Креховым) в присутствии представителей ряда дворянских родов, выводящих свой род от Солохмира/Схоросмира, и торжественно установлена в соборе Рождества Богородицы Солотчинского монастыря, где и экспонируется в настоящее время⁷³. Можно легко заметить в этой церемонии общие детали, роднящие ее с предшествующими. Ни потомков легендарного Солохмира, ни церковных деятелей, возвративших плиту в мемориальную практику, не заинтересовали сомнительные детали ее оформления и содержания, выдающие ее фальсифицированность. Как и у ближайших аналогов, функция этого памятника состоит не в душеполезном поминании «Схоросмира, во иноцех скимника Иосифа», а в презентации древности рода его потомков и демонстрации значимости обители. В этом и видится значение новооткрытого памятника.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты социально-экономической истории конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1 / сост. С.Б. Веселовский; отв. ред. Б.Д. Греков; М., 1964. Т. 3 / сост. И.А. Голубцов; отв. ред. Л.В. Черепнин.
- Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
- Астров Н.А.* Удельный князь Федор Юрьевич Фоминский // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Ч. 163. Сент. С. 61–75.
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. М., 1996.
- Введенский А.А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 85–109.
- Векслер А.Г., Беркович В.А.* Монастырские и церковные кладбища XVI–XVII веков. Раскопки и наблюдения Центра археологических исследований г. Москвы. 1989–1997 годы // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 51–81.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев / под ред. В.И. Шункова, С.М. Каштанова. М., 1969.
- Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / подг. к печ. Э.Г. Чумаченко; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. М., 1974.
- Вишневецкий В.И.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX века // Русское средневековое надгробие... Вып. 1. С. 130–174.
- Гераськин Ю.В.* Загадка мурзы Салахмира. Салахмир – Иван – монах Иосиф // Виноград: журн. для родителей [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2009. № 1 (27). URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=42474>, свободный.
- Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1. С. 3–77.
- Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Т. 3. С. 212–287.
- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.

⁷³ Торжества в Солотчинском женском монастыре; *Евсина*. 2010.

- Диев М., протоиер. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. М., 1858.
- Долгоруков П.[В.] Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4.
- Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. СПб., 1854.
- Древняя Российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 14; М., 1791. Ч. 19.
- Евсина И. Прекрасная Солотча // Благовест [Электронный ресурс]: православная газ. Электрон. дан. URL: <http://www.blagovesti.ru/arhiv/2010/n10.files/solot.htm>, свободный (дата обращения: 15.09.2013).
- Зимин А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1963. Т. 17. С. 399–428.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / подгот. к печ. В.Г. Зимина, В.Б. Кобрин; отв. ред. В.И. Буганов. М., 1988.
- Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858.
- Кавельмахер В.В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 480–484.
- Кавельмахер В.В. Церковь Троицы на Государевом дворе древней Александровой слободы // Кавельмахер В.В. Памятники архитектуры древней Александровой Слободы (сб. ст.). Владимир, 1995. С. 19–74.
- Квашин-Самарин Н.Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.
- Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Кренке Н.А., Беляев Л.А. Монастырский некрополь XVI–XVII веков. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 44–50.
- Левина Т.В. Белокаменное надгробие XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 82–123.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11.
- Македоний, архим. Солотчинский монастырь. Историческое описание // Календарь Рязанской губернии на 1886 год / изд. Рязан. губ. стат. комитета. Рязань, 1886. Приложения. С. 1–84.
- Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В. Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в рязанском Солотчинском монастыре // Российская археология. 2008. № 2. С. 84–89.
- Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В. Салахмир или Хоросмир? (К истории формирования рязанского боярства) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. раб. Рязань, 2007. Т. 14. С. 55–64.
- Николаева Т.В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 180–190.
- Николаева Т.В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1958. Вып. 2. С. 92–106.
- Николаева Т.В. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. 6. С. 207–255.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., [1800]. Ч. 1, 2.

- Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Литература Древней Руси и XVIII века. М., 1996.
- Памятники истории русского служилого сословия / сост. А.В. Антонов. М., 2011.
- Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002.
- Папин И.В.* Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 195–256.
- Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года / сообщ. М.И. Соколов // Чтения в имп. О-ве истории и древностей российских. 1890. Кн. 3. С. I–XII, 1–60.
- Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / под ред. В.Н. Сторожева. Рязань, 1900. Т. 1, вып. 2.
- Плешанова И.И.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. 6. С. 149–206.
- Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимины, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
- Пронштейн А.П., Овчинникова В.С.* Развитие графики кирилловского письма. Изд. 2-е, перераб. Ростов н/Д, 1987.
- Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича, патриарха вся России // Юбилейный сборник имп. С.-Петербургского археологического института. СПб., 1913. Ч. 2. С. I–XXVII, 1–118.
- Родословная книга (по списку А, хранящемуся в Московском архиве Коллегии иностранных дел) // Временник имп. Московского о-ва истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 131–203.
- [*Саитов В.И.*] Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4: (Г–Дяфинь); М., 1994. Вып. 19 (Пренебесный–Присвѣдѣтельствовати).
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. 2.
- Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. 2-е изд., доп. М., 1982.
- Торжества в Солотчинском женском монастыре, посвященные 620-летию со дня основания // Рязанский информационный форум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Рязань, сор 2008. URL: <http://www.rifinfo.ru/news/14536>, свободный.
- Франклин С.* К вопросу от предыстории русских надписных надгробий // Русское средневековое надгробие... Вып. 1. С. 268–279.
- Хворостова Е.Л., Беляев Л.А.* Надгробие в археологическом контексте. Плиты из церкви Николы в Старом Ваганькове // Русское средневековое надгробие... Вып. 1. С. 37–43.
- Хорузженко О.И.* Царский синодик «Греческой книги» и Государев родословец // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 222–228.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956.
- Шокарев С.Ю.* Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 124–129.
- Щепкин В.Н.* Вязь // Древности. Труды имп. Московского археологического о-ва. М., 1904. Т. 20. С. 57–80.
- Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967.
- Хорузженко Олег Игоревич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; khoruzhenko1@yandex.ru